

УДК 94(47).04

Э.Л. Дубман*

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ОСВОЕНИИ ЮГО-ВОСТОКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ****

В статье рассмотрены источниковедческие проблемы освоения Юго-Востока Европейской России в середине XVII – начале XVIII вв. На примере одного из его регионов – Южного Средневожья – анализируются возможности создания информативной базы источников. Отмечено, что все попытки реконструкции делопроизводства приказа Казанского Дворца не позволяют существенно ее расширить, и предлагается более перспективное направление. Работа с фондами различных учреждений, корпоративных и частных собственников позволит создать относительно репрезентативную источниковую базу. Показано, что в последние годы сделаны существенные успехи в этом направлении. Вновь выявленные и опубликованные материалы (писцовые книги, сметы ратных сил и другие источники) дают возможность исследовать проблемы, которые ранее ставились только в самом общем виде.

Ключевые слова: Юго-Восток Европейской России, низовые города, Южное Средневожье, приказ Казанского дворца, освоение, источниковая база.

Середина XVII – первая половина XVIII столетий явились определяющим этапом в процессе военно-государственного и хозяйственного освоения обширных лесостепных территорий Юго-Востока Европейской России. Ранее до середины 1640-х гг. русская колонизация региона ограничивалась основной территорией бывшего Казанского ханства, обладавшей развитой системой сельского и городского расселения еще до присоединения к России. Со строительством системы засечных линий от Темникова до Симбирска и хозяйственным освоением акватории Волги колонизационные процессы глубоко продвинулись в южную лесостепь и к рубежу XVII – XVIII вв. на Правобережье они дошли почти до Саратова. В Заволжье, опираясь на Закамскую засечную линию, построенную в середине XVII в., ареал постоянного расселения сначала спустился к нижнему и среднему течению р. Б. Черемшан, а в первой половине 1730-х гг. сомкнулся с низовьями р. Самары с выходом на среднее течение р. Сок (до пригорода Сергиевска). Позднее к концу 1730-х – началу 1740-х гг. со строительством Самарской линии и возведением Оренбурга практически было перекрыто все междуречье между Волгой и Яиком по течению р. Самары. Ниже по течению Волги по ее берегам сложилась система городов-крепостей, острогов и промысловых центров, обеспечивавшая безопасность волжского транспортного пути и речных промыслов вплоть до северного побережья Каспийского моря.

* © Дубман Э.Л., 2015

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра Российской истории, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Региональные аспекты формирования российской нации», № 15-31-14003.

Процесс постепенного последовательного продвижения к уникальным природным ресурсам и богатым странам Востока, организации крупнейших в России промышленных центров, формирования новой системы управления огромным регионом, складывания военизированной системы защиты его окраин от нападений кочевников и казачьей вольницы получил достаточно полное освещение в исторической литературе. Работы, содержащие его многоаспектный анализ, появились уже во второй половине XIX в., а исторические исследования продолжаются вплоть до настоящего времени.

Сложившийся в указанный период новый регион оседлого расселения обладал рядом уникальных характеристик, позволяющих его выделить из окружающего пространства европейского Юго-Востока под условным названием «Южное Средневожье». В настоящее время это территории современных Ульяновской, северной части Саратовской и основной части Самарской (без ее заволжских южных районов) областей, закамских земель Татарстана, восточной части Мордовии и Пензенской области. В первое столетие после присоединения к России его пространство практически не имело постоянного оседлого населения. С юга и Юго-Востока к границам региона подступали кочевья степняков. С севера и северо-запада он осваивался «наездом» представителями коренных народов Среднего Поволжья – чувашами, мордвой, татарами и т. д. По Волге и ее прибрежной зоне шел поток русских промышленников. Фактически до начала строительства системы засечных черт это была не принадлежавшая никому «порозжая земля», «Дикое поле». Для переселенцев процесс его колонизации означал своеобразное «обретение родины». Представители всех этнических и конфессиональных сообществ, селившихся здесь, находились в равном положении. Они являлись первыми поселенцами, основателями новой социокультурной общности. Осваиваемые территории становились зоной смешения и взаимной ассимиляции различных этносов – коренных автохтонных народов Среднего Поволжья, живших ранее выше к северу, представителей русских, украинцев, поляков и т. д., из которых постепенно складывалась единая историко-культурная область. Несомненно, что данная особенность радикально отличала вновь осваиваемый регион от основных территорий бывшего Казанского ханства.

Отметим, что это была зона плодородной, наиболее благоприятной для занятий сельским хозяйством и промыслами, южной и юго-восточной лесостепи. Долгое время новые пространства на юго-востоке являлись фронтиром, где значительную часть населения составляли служилые люди, постоянно существовала угроза нападений кочевников или казачьей вольницы.

Подобная «военизированность» переселенцев приволжских территорий существенно отличалась от населения южных и западных пограничных регионов Московского государства. На Юго-Востоке противник был почти столь же опасен, мобилен и постоянен в своих нападениях, как и на границах с Крымским ханством. Противостоящие ему государевы служилые люди имели чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав (в этом отношении они копировали состав всего массива переселенцев) и включали в себя значительную часть коренного автохтонного населения Среднего Поволжья: служилых мурз, чуваш, татар, мордвы и т. д.

При всей активности правительственной политики на Юго-Востоке в социальной и экономических сферах, в своих действиях в государственно-военном строительстве во второй половине XVII – начале XVIII вв. она оставалась более консервативной, чем в других пограничных регионах европейской части страны. Новации в военной сфере здесь запаздывали, шли с гораздо меньшей интенсивностью и размахом. Известны лишь отдельные попытки создания в рассматриваемом регионе полков нового строя, проведения сколько-нибудь серьезных мероприятий военной реформы; но и они не получили окончательного завершения [16, с. 130–149].

Видимо, определенным консерватизмом в своей политике отличалась и деятельность руководства приказа Казанского Дворца, практически полностью распоряжавшегося территорией понизовых городов, в которую входил и рассматриваемый нами регион. Как пишет его основной исследователь И.П. Ермолаев, «Казанский дворец» представлял «совершенно особое, в значительной степени автономное (в пределах самодержавной власти русского царя), государственное учреждение» [9, с. 176]. Приказная администрация сконцентрировала в своих руках все основные вопросы управления понизовыми городами и прилегающими к ним территориями. Отметим, что для людей средневековой России термины «Европейский Юго-Восток», «Среднее Поволжье» или предлагаемое нами «Южное Средневожье» просто не существовали. Пространственно-географическая и геополитическая карта тогдашнего Московского государства оперировала иными понятиями для локализации отдельных территорий. Наиболее адекватным для исследователей являлось деление средневековой России на города-области [24, с. 8–80], сложившееся в период объединения русских земель в единую страну и просуществовавшее до начала XVIII в. Одна из них, а именно область понизовых городов (вместе с областью «Мещерских городов» и другими регионами), входила под юрисдикцию приказа Казанского Дворца и охватывала современную территорию европейского Юго-Востока Московского государства [24, с. 69–76; 10, с. 5–29].

Исследователи, занимавшиеся данным регионом, приходят к выводу о том, что на его Правобережье основные миграционные потоки завершились, а территория расселения в зоне южной лесостепи в целом сформировалась к рубежу XVII–XVIII вв. [11, с. 36; 13, с. 152; 21, с. 174]. К этому времени правительство смогло стабилизировать ситуацию в междуречье Волги и Дона. На Левобережье в 1730-х – начале 1740-х гг. в основном были созданы условия (Самарская или Оренбургская линия) для проведения массового освоения всего пространства между Волгой и р. Урал (Яик) вплоть до широты р. Самары [5; 27].

Изучение процессов колонизации всех этих обширных территорий после присоединения к России и вплоть до начала XVIII в. (до проведения массовых переписей населения первой четверти XVIII столетия) сопряжено со значительными трудностями, прежде всего, источникового характера. Выше уже говорилось, что область понизовых городов в конце XVI – начале XVIII вв. находилась под управлением приказа Казанского Дворца. Деятельность этого учреждения изучена лишь частично вследствие отсутствия сколько-нибудь целостного массива его делопроизводства. Общеизвестно, что основная часть документации областного приказа была уничтожена в начале XVIII в. «...ведомости и чертежи в вышеписанной пожар в приказе Казанского Дворца згорели...» [25. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 5-5об.]. Сохранились лишь фрагменты приказного делопроизводства, хранящиеся в виде включений в отдельные фонды РГАДА [25. Ф. 77, 119, 210, 396, 1209].

Почти столь же трагической оказалась судьба делопроизводства и архивов местных уездных и городских учреждений. Среди съезжих изб городов Среднего Поволжья лучше других сохранила свое делопроизводство Ядринская [17. Ф. 157]. Материалы казанской, саратовской, симбирской, самарской, саранской, алатырской и других съезжих и приказных изб уцелели лишь фрагментарно. Исключением является богатейший фонд Астраханской приказной избы (палаты) [17. Ф. 178]. Однако большинство его дел отражают ситуацию в Астраханском крае и только отдельные материалы касаются Средневожья.

Таким образом, изучаемые нами территории оказались без сколько-нибудь целостной совокупности источников, отражающих ход их начального освоения. Этим,

прежде всего, отличается их изучение от южного пограничья европейской России, где в середине XVI–XVII вв. шли аналогичные процессы создания засечных линий и заселения новых уездов и по которым сохранился обширный массив документации в фондах Разрядного, Поместного, Стрелецкого и других приказов. Данная проблема уже рассматривалась автором специально [4, с. 124–133; 8, с. 85–92], а в публикуемой статье уточняются отдельные ее аспекты, вводятся в научный оборот и анализируются новые материалы.

Долгое время основу имеющейся источниковой базы по Южному Средневолжью составляли материалы, выявленные еще в середине XIX – начале XX вв. исследователями казанского и саратовского университетов, сотрудниками местных губернских ученых архивных комиссий и других учреждений (по Симбирской, Саратовской, Казанской, Тамбовской, Пензенской губерниям). П.Л. Мартыновым, А.Н. Зерцаловым, В.Н. Поливановым, К.И. Невоструевым, С.Е. Мельниковым, А.П. Барсуковым, В.Х. Хохряковым, А.А. Гераклитовым, П.В. Алабиным и многими другими был выявлен и опубликован значительный комплекс материалов из государственных и частных архивов, коллекций документов из собраний местных учреждений и дворянства.

Первая попытка концептуального, основанного на широкой источниковой базе, изучения процесса вхождения в состав Московского государства и колонизации его европейских юго-восточных окраин; выявления и обобщения репрезентативной источниковой базы была предпринята в последней четверти XIX в. учеником С.М. Соловьева Г.И. Перетятковичем [19; 20]. Его труды длительное время сохраняли значение основных обобщающих исследований по истории региона. Например, М.К. Любавский, почти через полстолетия после их выхода, в 1920-х гг., рассматривая начальную колонизацию европейского Юго-Востока в составе Московского государства, вынужден был опираться исключительно на монографии Перетятковича [15, с. 257–284]. С накоплением новых материалов и исследований становилось все более очевидным, что источниковая база работ историка была весьма ограниченной и он смог дать только предварительный, со значительными пробелами, анализ начальной колонизации региона.

Единственная возможность компенсировать обусловленные объективными обстоятельствами источникивые лакуны состоит в планомерной, фронтальной работе по изучению центральных и местных архивохранилищ. Отметим, что в советское время вплоть до 1980-х гг. попытки продолжить кропотливую работу дореволюционных исследователей предпринимались спорадически, как правило, в столичных и республиканских научных центрах. При этом территория Южного Средневолжья затрагивалась лишь отчасти. Только в последние десятилетия в областных городах региона стали выходить сборники и отдельные публикации новых документов.

Особое место в реконструкции делопроизводственной деятельности приказа Казанского Дворца занимает И.П. Ермолаев [9]. В результате многолетней работы возглавляемого им коллектива был собран свод данных о сохранившемся приказном делопроизводстве; составлен хронологический перечень выявленных материалов, начата их публикация [3; 12]. По словам И.П. Ермолаева, им и его учениками был собран свод материалов, многократно превышающий уже опубликованный «Хронологический перечень». Однако внимание исследователей ограничивалось «Казанским краем» и лишь отчасти затрагивало более южные территории.

Продолжение подобных исследовательских работ и распространение их на более обширную территорию, в частности Южного Средневолжья, имеет исключительно важное значение для изучения деятельности как самого приказа Казанского Дворца, так и истории всего региона, находившегося под его юрисдикцией. Для этого необходимо, прежде всего, сплошное изучение фондов других центральных и местных уч-

реждений и выявление приказных документов, сохранившихся в них. Но, очевидно, что вследствие гибели основного массива приказного делопроизводства такая работа при всей ее значимости вряд ли позволит значительно расширить имеющуюся источниковую базу.

Направлением, которое нам кажется не менее перспективным, является работа с фондами и коллекциями архивов, материалы которых имеют отношение к изучаемой территории, но не связаны непосредственно с делопроизводством приказа Казанского Дворца и подведомственных ему учреждений. Так, в центральных архивохранилищах и, прежде всего, в Российском государственном архиве древних актов позитивные результаты дает изучение делопроизводства учреждений, привилегированных землевладельцев и предпринимателей; коллекций документов, которые ранее практически не вводились в научный оборот при изучении средневековой истории региона. К таким, например, относятся пошленные и беспошленные книги Печатного приказа [35. Ф. 233], книги переписи оброчных статей по уездам Ингерманландской (Семеновской, Ижорской) канцелярии [25. Ф. 26]; дела патриарших приказов [25. Ф. 235, 236]; писцовые книги и другие массовые источники; отдельные материалы Генерального двора в с. Преображенском [25. Ф. 1209], внутривотчинное делопроизводство крупных корпоративных церковных [25. Ф. 1199, 1207, 235, 236, 237, 281] и светских привилегированных собственников и т. д.

Поиск новых источников по ранней «русской» истории Южного Средневолжья в местных архивах, музеях, отделах рукописей свидетельствует о том, что значительная часть их не была введена в научный оборот. Например, интересный комплекс материалов, связанных с начальной историей Симбирского Поволжья, был выявлен и опубликован В.А. Гуркиным [2].

Определенные результаты дает работа с документами тех центральных учреждений, которые, казалось бы, в силу широкой областной компетенции приказа Казанского Дворца практически не контролировали изучаемый регион. Среди них, в первую очередь, следует назвать Поместный и Разрядный приказы, среди огромного массива делопроизводства которых встречаются отдельные дела (как правило, копии или выписки из несохранившейся документации Казанского Дворца или местных приказных и съезжих изб). Так, в некоторой степени воспроизвести делопроизводство местных уездных учреждений позволяют хранящиеся в фонде Поместного приказа роспись дел Симбирской приказной избы за 1662–1700 гг. [25. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473] и описи столбцов поместных и вотчинных книг Симбирского уезда 1701–1702 гг. [25. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. III. Д. 6475]; а в фонде Разрядного приказа – росписной список Симбирска 1670 г. [2, с. 34–115] и ряд других ценных источников. Например, для изучения особенностей проектирования и подготовки строительства Сызранской засечной линии решающее значение сыграли материалы Разрядного приказа, в которых отложились сведения о переписке с администрацией приказа Казанского Дворца [25. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 418, 488–492; 6, с. 326–332].

Далеко не полностью использованы возможности расширения комплекса источников массового характера о формировании тяглого и военизированного населения. В свое время это хорошо показал Я.Е. Водарский [1]. Прежде всего, новые материалы касались тяглого сельского и городского населения, составлявшего подавляющее большинство жителей региона. Однако уже после выхода в начале XXI в. основных работ историка были изданы писцовые книги Казанского (1647–1656 гг.) и Ка(о)рсунской части Симбирского (1685–1686 гг.) уездов [22; 23]. Эти два важнейших для изучения региона источника позволяют выявить особенности расселения и испомещения служилых людей, формирования тяглого населения, особенности миграций и т. д.; время прихода на свободные земли основных акторов колонизации.

Значимые новации произошли в обеспечении новыми источниками изучения проблем складывания служилого военизированного населения юго-восточного пограничья. Его роль в освоении региона была чрезвычайно велика. Наличие крупных воинских контингентов в городах и военизированных поселений (слобод и деревень) в сельской местности являлось гарантом безопасности вновь осваиваемых территорий, обеспечивало возможность для их интенсивной колонизации. По линии границы оседлого расселения значительную, если не большую часть населения района фронта составляли стрельцы, казаки и другие группы служилых людей.

В этом отношении интерес представляют материалы Разрядного приказа, зачастую, выходявшего за межведомственные рубежи, и учреждений, появившихся в ходе ликвидации старой и строительства новой петровской армии. Например, в 1701 г. по указу Петра I по всей стране собирали сведения «...из городов и с пригородов и с уездов» о том, «...сколько по спискам начальных и иных всякого чину ратных конного и пешего строя людей... и сверх генеральных полков в Разряде и в иных приказах сколько каких служилых людей по спискам» [25. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431-437]. В том числе местные воеводы отписывали сколько «... низовых городов строения и военных припасов» [26, с. 283; 25. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 50б.].

К подобным материалам относятся, в первую очередь, указанная выше «Смета ратных сил понизовых городов» 1704 г. [25. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431-437]; «Опись «понизовых» городов 1701–1704 гг.» [25. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53]; ряд других репрезентативных источников, позволяющих определить ситуацию с вооруженными силами региона к началу XVIII в. Как правило, историки, занимаясь вопросами их состава, численности и расселения, опирались на сводные данные Разрядного приказа (разрядные книги, сметные списки, окладные росписи и т. д.). В этом отношении особое значение имеет недавно опубликованная «Смета ратных сил понизовых городов» 1704 г., хронологически завершающая ряд сводных источников о составе и численности военных сил региона и дающая общую картину их состояния накануне окончательного преобразования в начале XVIII в. [25. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431-437; 7].

Работа с материалами Разрядного приказа позволила В.Ю. Малышкину и А.Н. Николаеву подготовить к публикации и издать переписные книги и смотренные списки 1697 года недорослей и служилых людей западной части Пензенского края [18]. Подобные публикации источников позволяют существенно расширить круг источников для исследования миграционных и демографических процессов в регионе, выявить особенности взаимодействия различных групп переселенцев.

Не меньшее значение имеет работа с материалами Генерального двора в с. Преображенском [25. Ф. 1209]. В частности, документы проводимого этим учреждением сбора даточных людей постоянно используются исследователями для рассмотрения особенностей формирования регулярной армии, обеспеченности дворян крепостными крестьянами и т. д.; содержат информативный материал по категориям и численности тяглого и военизированного населения региона, половозрастному составу семей последних и т. д. [14]. В этом отношении уникальную возможность для изучения различных категорий служилых людей, численности их семей, в том числе не только мужчин, но и женщин, дают переписные книги комиссии Н.И. Репнина, направленной в «низовые города» для сбора даточных людей (затем с 1700–1701 г. ее возглавил думный дьяк А.И. Иванов) [25. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5039; Оп. 1310. Д. 18657, 18658, 18665]. В частности, материалы о военизированном населении Самары, других городов, пригородов и селений региона позволяют значительно скорректировать общепринятые выводы [25. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 5128].

Таким образом, можно сделать вывод, что в последние десятилетия существенно расширилась источниковая база изучения средневековой истории региона. Новые материалы позволяют исследовать проблемы, которые ранее ставились только в самом общем виде.

Библиографический список

1. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
2. Гуркин В.А. Симбирская черта (материалы XVII – XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья). М., 2000.
3. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.). Казань, 1990.
4. Дубман Э.Л. Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования: материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
5. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005.
6. Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Вып. 3(2). Т. 13.
7. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. «...В вышеписанных низовых городех конных и пеших ратных людей по списком...». Смета ратных сил понизовых городов 1704 г. // Исторический архив. 2012. № 5.
8. Дубман Э.Л. Использование массовых источников при изучении начального освоения Южного Средневожья (середина XVII – начало XVIII вв.) // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX веков: материалы XVIII Всероссийской научной конференции. Н.-Новгород, 2014.
9. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982.
10. Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1989.
11. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971.
12. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв.: хронологический перечень документов. Казань, 1980.
13. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
14. Кушева Е.Н. Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966.
15. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XVII века. М., 1996.
16. Малинкин Е.М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2013.
17. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН).
18. Переписные книги и смотренные списки 1697 года недорослей и служилых людей Пензенского края / под ред. В.Ю. Малышкина, А.Н. Николаева. Пенза, 2014.
19. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
20. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
21. Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012.
22. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: публикация текста / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина М., 2001.
23. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014.
24. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.

25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473.
 26. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872.
 27. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

References

1. Vodarsky Ya.E. Population of Russia in the end of the XVII – beginning of the XVIII century (Number, estates and class structure, distribution). М., 1977 [in Russian].
2. Gurkin V.A. Simbirsk boundary (materials of the XVII – XVIII centuries. On the history of Simbirsk Volga region). М., 2000 [in Russian].
3. Documents on the history of Kazan Region from archives of Tatar ASSR (second half of the XVI – middle of the XVIII centuries). Kazan, 1990 [in Russian].
4. Dubman E.L. Source studies aspects of study of migrational and demographic processes on the territory of the Southern Middle Volga region in the XVIII century. *Aktual'nye problemy agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy X–XXI vv. Istochniki i metody issledovaniia: Materialy XXXII sessii Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Topical issues of agrarian history of Eastern Europe of the X–XXI century. Sources and methods of research: Materials of XXXII session of Symposium on agrarian history of Eastern Europe]. Ryazan, 2012, pp. 124–133 [in Russian].
5. Dubman E.L. New Trans-Kama line: fate, project, construction. Samara, 2005 [in Russian].
6. Dubman E.L. Project of Syzran line: prehistory, creation and fate. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2011, Issue 3 (2), Vol. 13, pp. 326–332 [in Russian].
7. Dubman E.L., Malinkin E.M. «...V vyshepisannykh nizovykh gorodekh konnykh i peshikh ratnykh liudei po spiskom...». Estimation of military forces of the Lower Reaches cities in 1704. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive], 2012, no. 5 [in Russian].
8. Dubman E.L. Use of mass sources at the study of initial reclamation of Southern Middle Volga region (middle of the XVIII – beginning of the XIX). *Pistsovyie knigi i drugie massovye istochniki po istorii Rossii XVI–XX vekov: materialy XVIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Cadastral and other mass sources on the history of Russia of the XVI–XX centuries: materials of XVIII All-Russian scientific conference]. N.-Novgorod, 2014, pp. 85–92 [in Russian].
9. Ermolaev I.P. Middle Volga region of the second half of XVI–XVIII centuries (management by Kazan region). Kazan, 1982, p. 176 [in Russian].
10. Ermolaev I.P. Territorial and administrative sphere of activity of prikaz of Kazan palace. On the statement of a question. *Klassy i sosloviia Rossii v period absolutizma. Mezhev. sb. st.* [Classes and social classes of Russia in the period of absolutism: Interacademic collection of articles]. Kuibyshev, 1989, pp. 5–19 [in Russian].
11. Kabuzan V.M. Changes in the distribution of population in the XVIII – first half of the XIX century. М., 1971, p. 36 [in Russian].
12. Kazan region in the second half of the XVI–XVIII centuries: Chronological list of documents. Kazan, 1980 [in Russian].
13. Kuzeev R.G. Population of Middle Volga region and the Southern Urals. Ethnogenetic view of history. М., 1992, pp. 152 [in Russian].
14. Kusheva E.N. Tales of the General court as a source on the history of the cities of the Volga Region at the turn of the XVIII–XIX centuries. *Goroda feodal'noi Rossii* [Cities of feudal Russia]. М., 1966 [in Russian].
15. Lyubavsky M.K. Review of the history of Russian colonization from ancient times and to the XVIII century. М., 1996 [in Russian].
16. Malinkin E.M. *Vooruzhennye sily iugo-vostochnoi chasti Evropeiskoi Rossii v XVIII – nachale XIX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Armed forces of southeast part of European Russia in the XVIII – beginning of the XIX centuries: Candidate's of historical sciences thesis]. Samara, 2013, pp. 130–149 [in Russian].
17. Scientific and historical archive of Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (NIA SPb II RAN). [in Russian].
18. Census books and regarded lists of 1697 of the greenhorns and service class people of the Penza region. V.Yu. Malyshkin, A.N. Nikolaev (Eds.). Penza, 2014 [in Russian].

19. Peretyatkovich G. Volga region in the XV and XVI centuries (sketches from the history of the region and its colonization). M., 1877 [in Russian].
20. Peretyatkovich G.I. Volga region in the XVII and the beginning of the XVIII century (sketches from the history of colonization of the region). Odessa, 1882 [in Russian].
21. Petrov Yu.A. et al. Russian state from the origins up to the XIX century: territory and power. M., 2012, p. 174 [in Russian].
22. Cadastre of Kazan county in 1647–1656: Publication of a text. Compiler I.P. Ermolaev, D.A. Mustafina M., 2001 [in Russian].
23. Cadastre of Karsun and Simbirsk counties in 1685–1686. Compiler Yu.N. Mel'nikov. Ul'yanovsk, 2014 [in Russian].
24. Platonov S.F. Sketches on the history of the Time of Troubles in Muscovite State of the XVI–XVII centuries. Experience of study of the social system and class relations during the Time of Troubles. M., 1995, pp. 8–80 [in Russian].
25. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 4. D. 6473 [in Russian].
26. Collection of extracts from archive documents about Peter the Great. Vol. 2. M., 1872, p. 283 [in Russian].
27. Smirnov Yu.N. Orenburg expedition (commission) and annexation of the trans-Volga region to Russia in the 30–40-ies of the XVIII century. Samara, 1997 [in Russian].

*E.L. Dubman**

STATE AND SOCIETY IN THE RECLAMATION OF SOUTHEAST OF EUROPEAN RUSSIA IN THE MIDDLE XVII – EARLY XVIII CENTURIES: SOME PROBLEMS OF SOURCE STUDIES **

The article deals with the problems of sources of development of southeast of European Russia in the middle of XVII – early XVIII centuries. On the example of one of the regions – the Southern Middle Volga Region the possibility of creating an informative database of sources is analyzed. It is noted that all attempts of reconstruction of clerical work of prikaz of Kazan Court do not allow to expand it considerably and the more promising direction of investigation is suggested. The use of the funds of various institutions, corporate and private owners will create a representative source base. It is shown that a significant progress in this direction was made during recent years. The newly discovered and published materials (cadastres, estimates of martial forces and other sources), make it possible to investigate problems, which were previously staged only in very general terms.

Key words: southeast of European Russia, Lower Reaches cities, Southern Middle Volga Region, prikaz of Kazan Court, reclamation, source base.

Статья поступила в редакцию 10/VII/2015.

The article received 10/VII/2015.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), Department of Russian History, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

** The article is prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities, project «Regional aspect of formation of Russian nation», № 15–31–14003.